

Ян Левченко

Деколониальная перспектива формализма в «Смерти Вазир-Мухтара»

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_395

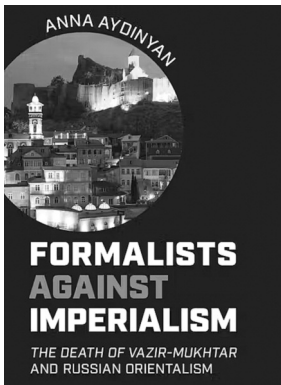
Aydinyan A. Formalists against Imperialism: *The Death of Vazir-Mukhtar and Russian Orientalism.*

Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 2022. — XII, 224 p.

Книга Анны Айдинян с актуальным названием «Формалисты против империализма» представляет собой расширенный комментарий к роману Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1928). В ходе перестановки акцентов, обновляющей прочтение объекта под нужным углом зрения, автор обосновывает позицию, согласно которой представители формальной школы (по крайней мере петербургского формализма) были носителями антиимперских взглядов и продвигали критику российского колониализма задолго до того, как усилиями Эдварда Саида началось наступление на европейский ориентализм.

Предыстория деколониализма в России

Формалисты выступают здесь как продолжатели дела, начатого еще на рубеже веков так называемой школой Розена. Среди представителей этого направления петербургского востоковедения, таких как Василий Бартольд и Сергей Ольденбург, Николай Марр и Федор Щербатской, лишь последний имеет «русское» (при всей условности термина) происхождение, тогда как первые двое — немцы, а третий — сын шотландца и грузинки. Другими словами, они типичные продукты имперского микширования этносов и культур. То же самое можно сказать и о «петербургском триумvirате», как иногда называют костяк ОПОЯЗа в лице Виктора Шкловского, Юрия Тынянова и Бориса Эйхенбаума. Все они — евреи, тем или иным способом попавшие в столицу империи, логично отличавшуюся от других ее городов повышенной этнокультурной пестротой.

Петербургским востоковедам школы Виктора Розена была посвящена вышедшая в 2011 г. монография профессора Манчестерского университета Веры Тольц-Зилитинкевич «Собственный восток России». Книга выпускницы классического отделения ЛГУ (то есть также биографически связанной с Петербургом) была очень быстро переведена на русский и в 2013 г. опубликована в серии «История науки» издательства «Новое литературное обозрение». В рецензии на русское издание профессор ЕУСПб Сергей Абашин писал, что, несмотря на частые апелляции к идеям Саида, который мог быть знаком с идеями школы Розена через египетского марксиста Анвара Абдуль-Малека, моно-

графию о наследии петербургских востоковедов отличает намного большая сдержанность и дистанцированность¹. Иными словами, профессор Тольц не присоединилась к крестовому походу против западного колониализма силами самого Запада, как это можно наблюдать в подавляющем большинстве случаев.

Айдинян пишет в предисловии, что Тынянов мог быть прямо или косвенно знаком с позицией ученых предшествующего поколения. Осторожность понятна: в отсутствие прямых ссылок было бы слишком самонадеянно утверждать, что литературовед, работающий преимущественно на русском материале, непосредственно опирается на тюркологов и буддологов, нередко писавших о предельно экзотических объектах. Но в пользу высокой вероятности знакомства Тынянова с петербургским востоковедением говорит его близкое знакомство с Вениамином Зильбером, входившим в литературную группировку «Серапионовы братья» и прославившимся под псевдонимом Каверин. Зильбер учился на арабском отделении Института живых восточных языков и закончил его в 1923 г. Диссертацию — уже по литературоведческому направлению — он посвятил Осипу Сенковскому, который выведен в том числе и в романе «Смерть Вазир-Мухтара»². Именно его самодурству и неадекватности противостоит Грибоедов, защищая студентов как член экзаменационной комиссии в университете. Тынянов был не просто женат на младшей сестре Каверина, но и был его важнейшим наставником в деле освоения формалистской теории.

Коммерция, победившая словесность

Романтический национализм, возросший на ниве Просвещения, поколение Пушкина и Грибоедова ставит на службу империи, еще не сознавая разрушительность своих на тот момент прогрессивных взглядов. Формалисты в этом смысле ближе революционным идеалам конца XVIII в., и Тынянов занимает позицию, схожую с той, что первым среди них сформулировал правый эсер Шкловский, вспоминая в травелоге «Сентиментальное путешествие» о своем «гранд-туре» в Персию в качестве комиссара Временного правительства. Однако, напоминает автор, роман Тынянова был издан накануне «года великого перелома» (1929) и освещал события вековой давности, когда романтизм эволюционировал в служение империи. В этом смысле Грибоедов, отказавшийся от литературы в пользу проектов в сфере государственного управления, выбран героем второго романа совершенно сознательно. Так же, как герой «Кюхли» (1925) был важен в качестве фигуры «попутчика» декабристов, наблюдающего их поражение, «Вазир-Мухтар» продолжал референсы к той современности, к которой пришлось приспособляться формалистам.

Один из ключевых объектов интереса Айдинян — проект Российской Закавказской компании, который Грибоедов составлял вместе с будущим гражданским губернатором Тифлиса Петром Завелейским. Перефразируя Терри Мартина, называвшего СССР «империей положительной деятельности» (the affirmative action

-
- 1 *Абашин С.* Востоковеды против ориентализма? (Рец. на кн.: Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и ранний советский периоды. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.) // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 343—351.
  - 2 В качестве диссертации Каверин представил беллетризованное исследование, уже изданное в виде книги: *Каверин В.* Барон Брамбеус: история Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л.: Изд-во писателей, 1929.

empire)³, в Завелейском можно распознать «колонизатора положительной деятельности». Это был влиятельный чиновник, основатель первых акционерных обществ Грузии, а также друг тестя Грибоедова — Александра Чавчавадзе, много сделавшего для урегулирования отношений грузинской аристократии с новыми русскими хозяевами. Айдинян считает, что благодаря такой перестановке акцентов ее книга становится редким исследованием по сравнительному колониализму, где его российская версия рассматривается на фоне французской и британской. В основном же трактовки «Смерти Вазир-Мухтара» лишь мельком затрагивают этот вопрос.

Анну Айдинян интересуют источники коммерческого гения Грибоедова. Как выясняется, наибольшее влияние на него оказали Дени Дидро и Гийом Тома Рейналь, в особенности его книга «История о коммерции европейцев в обеих Индиях» (1770). Ее частично переводили на русский начиная с 1776 г., а полностью издали накануне наполеоновского нашествия, причем по инициативе правительства. Именно из этого трактата Грибоедов почерпнул идею ограниченной экспансии, которая сопровождается интенсивным развитием новых территорий. Грибоедов и Завелейский предстают у Айдинян рационалистами, для которых заработок и честная конкуренция с той же Англией гораздо предпочтительнее захвата обширных территорий и создания «засечных полос» по периметру империй, препятствующих быстрому проникновению врага в центральные регионы, — то есть стратегии, которая, как показывает новейшая российская повестка, остается актуальной и по сей день.

В перспективе поныне здравствующего российского империализма Закавказская компания могла проиллюстрировать эмансипацию романтизма, то есть развитие от литературного опыта до большого предприятия, куда вовлечено множество людей и деловых интересов. Этому помешали ранняя смерть Грибоедова плюс отсталость Николаевской эпохи. В деколониальной же перспективе, как пишет Айдинян, Тынянов в своем романе «разоблачает империалистическую природу романтического национализма XIX в. и его ориенталистское письмо как неверного наследника Просвещения. Моральный компас XVIII в. становится генетическим наследием века XX-го, когда деды и внуки сближаются, минуя отцов» (с. 38).

В той же части, посвященной проекту Российской Закавказской компании, анализируется написанный в 1841 г. (год гибели Лермонтова — символический конец русского романтизма) и опубликованный в 1858 г. (то есть через десять лет после смерти уже самого автора) роман Хачатура Абовяна «Раны Армении». Историческое повествование о борьбе армянского народа за свободу во время Русско-персидской войны Айдинян рассматривает в аспекте меркантилистских взглядов Абовяна и его восторженного отношения к США в оппозиции колониям Испании, которые не столько развивались, сколько привлекали искателей золота. Роман дает немного материала для иллюстрации этих взглядов, но и его оказывается достаточно для выполнения задачи. Романтическая поэтика Абовяна создает рамку для его концепции органического развития родного края, который может достичь процветания только через подготовку местных кадров и развитие промышленности, использующей внутреннее сырье. Айдинян признает вместе с тем, что проекты Абовяна по преобразованию родного края едва ли имели прямые практические последствия. В контексте обсуждаемого исследования эта нереализованность становится еще одним аргументом в поддержку параллели идей Абовяна с неосуществленными замыслами «Вазир-Мухтара».

---

3 *Мартин Т.* Империя положительной деятельности: нации и национализм в СССР, 1923—1939 / Пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011.

Даль научного романа

Книга отвечает современной тенденции обращаться с литературой как с материалом истории, инструментом политики и зеркалом общества. Айдинян — выпускница Йеля и ученица Катерины Кларк, принадлежащей к первому поколению «преодолевших формализм» (перефразируя заглавие известной статьи Жирмунского об акмеистах⁴), то есть исследователей-русистов, вышедших за границы анализа собственно литературного текста. Впрочем, Айдинян сознает необходимость рассмотреть и литературную сторону романа, о чем свидетельствует небольшой раздел «Романный контур ориентализма» (с. 61—74), где ставится задача анализа литературных приемов, которыми оперирует Тынянов для описания Кавказа. Тем не менее представляется, что речь идет не столько о приемах, сколько об эпитетах, которыми награждают Кавказ русские авторы начиная с Державина и Жуковского и которые становятся у Тынянова, как водится, объектом пародии. Для Айдинян понятие пародии служит едва ли не универсальным инструментом интерпретации. Понятно, что Тынянов сам дает для этого убедительные основания, а его концепция пародии крайне суггестивна, однако ни о каких литературных приемах в упомянутом разделе почти ничего не говорится.

В итоге перекокс в сторону эксплуатации литературы в антиформалистском духе остается непреодоленным. Если анализ политических и экономических идей Грибоедова, а также их сравнение со взглядами Абовяна дает несомненный прирост, то по части анализа романа в контексте собственно литературной истории и тем более истории самой формальной школы налицо легкая архаичность. Так, во второй части книги, которая призвана осветить эту сторону материала, выдвигается характерный полемический тезис. Автор пишет: «Читая роман Тынянова как исследование русского ориентализма и применяя к нему бахтинское понятие диалогизма, я бросаю вызов мнению, что Тынянов и формалисты рассматривали литературу в автономном ключе и оставляли без внимания свою связь с историей или с жизнью» (с. 42). Носителем этого удивительного мнения выступает... Ханс Роберт Яусс, видимо, в общих чертах слышавший о формалистах, но точно не занимавшийся анализом их теоретического пути.

Легко спорить с Яуссом, привлекая в качестве инструмента анализа Тынянова такое полезное понятие, как «диалогизм» Бахтина! «Вдруг стало видимо далеко во все стороны света», как писал в чуть другой связи Николай Васильевич Гоголь в повести «Страшная месть». Ошибочно датировав статью «О литературной эволюции» 1924 г. (на самом деле — 1927), автор ссылается на статью Стивена Ловелла «Тынянов как социолог литературы» (2001)⁵, дабы подкрепить свою мысль о том, что формалисты включили в сферу своих интересов внелитературные ряды во второй половине 1920-х гг. Ни свидетельства близкого круга — того же Каверина, Бориса Эйхенбаума, Лидии Гинзбург, — ни более ранние, чем статья Ловелла, книги Оге Ханзена-Лёве, Питера Стайнера, Юрия Штридтера, скорректировавших образ формалистов, созданный Бахтиным под маской Павла Медведева⁶, не попали в поле зрения исследовательницы. Отсюда — представление о том, что бросаешь вызов, хотя забиваешь красивый мяч в развалившиеся от времени пустые ворота.

---

4 Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. № 12. С. 25—56.

5 Lovell S. Tynyanov as Sociologist of Literature // Slavonic and East European Review. 2001. Vol. 79. No. 3. P. 415—433.

6 Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении / М.М. Бахтин; коммент. В.Л. Махлина. М.: Лабиринт, 1993.

По утверждению Айдинян, роман Тынянова пародиен в первую очередь в отношении пушкинского «Путешествия в Арзрум». В позднейшей статье об этом травелогге (1936)⁷ Тынянов реагирует на сталинский моргально-юбилейный заказ (к 100-летию гибели) и выводит Пушкина критиком русской колониальной политики. Хотя достаточно пробежать глазами пушкинский оригинал, чтобы выявить его простодушно-колониальное отношение к кавказским «туземцам», пусть и слегка смягченное романтическим гуманизмом в отношении страданий, которые те вынуждены терпеть от жестоких и непреклонных завоевателей. Пушкин ироничен и дистанцирован, его язвительность — следствие скорее общего презрения к солдатским порядкам родного отечества, чем какого-то проникновенного отношения к угнетенным. Айдинян вполне к месту напоминает, что Тынянов скорее сам по возможности ироничен, в том числе в статье 1936 г., когда пишет о «самоваре и христианстве» как формуле российской колониальной политики на Кавказе.

«Путешествие в Арзрум», безусловно, выступает по отношению к «Смерти Вазир-Мухтара» как отправная точка, своего рода биографическое либретто, а в широком смысле — как важнейший метатекст. Тогда как в качестве источника цитат, референций и реминисценций, своего рода словаря приемов выступает другой травелог, написанный в 1919—1922 гг. Виктором Шкловским. Речь идет, разумеется, о «Сентиментальном путешествии», которое представляет собой еще и мемуар ближайшего друга и коллеги по научной школе. Грибоедов как персонаж Тынянова создан по образу и подобию Шкловского как персонажа Шкловского. Оба они, выражаясь словами из книги, «инсайдеры, наделенные знаниями и властью, временами чувствующие себя беспомощными и сбитыми с толку сложностью исторических событий, в которых им приходится принимать участие» (с. 56). Они — «люди двадцатых годов», которых история вознесла на гребень волны с разницей в столетие. Один погиб молодым и остался символом крушения романтизма, другой приспособился к страшному времени, научившись «скрещиваться с материалом» и «пропадать, как мясо в супе»⁸. Оба иллюстрируют жуть и тщету русской истории, идущей по кругу.

Секс, бунт и (черные) дыры истории

Все, что нужно знать о колониализме на Кавказе, да и где бы то ни было в сходной степени, выражено в одном эпизоде романа «Смерть Вазир-Мухтара». Там приводятся разговоры на обеде у генерала-адъютанта Сухозанета — участника все той же Русско-персидской кампании, позднее директора пажеского корпуса и затем военной академии, в этой должности ставшего нарицательным обозначением бессмысленной муштры, убивавшей в молодых офицерах остаток человеческого достоинства. Павел Голенищев-Кутузов, в то время военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга, рассказывает, с трудом одолевая смех: «...после взятия Эривани стояли в Ихдыре. Селение такое: Ихдыр. Вот и будто бы, — покосился он на Грибоедова, — граф там тост сказал: за здоровье прекрасных эриванок и ихдырок». Хохот, пишет далее Тынянов, «стал всеобщим», и добавляет: «...это было средоточие всего сегодняшнего обеда, выше веселье не поднималось»⁹.

7 Тынянов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 57—73.

8 Цитаты из книги Виктора Шкловского «Третья фабрика» (1926) — последней части его теоретико-автобиографической трилогии.

9 Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара // Тынянов Ю.Н. Сочинения: В 3 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 2. С. 115.

Тынянов ставит сдержанный акцент в том месте, где смолчать нельзя, каким бы иронично-дистанцированным ни был повествователь в романе. Голенищев-Кутузов косится на Грибоедова не потому, например, что выдумывает название места: Ыгдыр — город, как раз отошедший к Эриванской губернии в результате Турманчайского мира. Это правдивый анекдот, который может не понравиться Грибоедову, как опасаются присутствующие. В подавляющем большинстве никто не видит в произнесении такой остроты ничего предосудительного. Более того, это законная «пометка» завоеванной территории. «Туземки» относятся к тому же уровню трофеев, что недвижимость, скот и другие ценности. Пьют ли офицеры за прекрасных дам или сразу переходят к делу.

Но Грибоедов не столько шокирован, сколько разочарован неотесанным юмором петербургского губернатора. Он знает толк в завоевании женщин, которые для него тем желаннее, чем унижительнее их положение. Вот еще один фрагмент, где описывается секс Грибоедова с Геленой фон Иде, женой его друга Фаддея Булгарина, прекрасно знающего, куда и с кем «Леночка» исчезает из театра:

Он тупым железом входил в тучную землю, прорезал Кавказ, Закавказье, вдвигался клином в Персию.

Вот он ее завоевывал, землю, медленно и упорно, входя в детали.

И наступило такое время, что все уже было нипочем.

Чего там! Не свист дыхания, а разбойничий свист стоял во всем мире.

Он догуливал остатки Стенькой Разиным, были налеты на землю, последние грабежи, все короче и глубже.

Какая злость обрабатывала мир.

И наступило полное равновесие — младенческая Азия дышала рядом. Легкий смех стоял у него на губах¹⁰.

Виртуозная параллель между фактическим изнасилованием и аннексией территорий в терминах исследования Айдинян также может быть описана как сугубо пародийная. Как я уже писал выше, пародия здесь универсальна: Тынянов только тем и занимается, что с карнавальным сарказмом жонглирует Пушкиным, Радищевым и даже шпионскими романами. Однако это не столько пародия, или снижение, сколько работа возвышенного, которое, по Канту, дает о себе знать, когда человек сознает присутствие чего-то, что превосходит его масштабы. Секс с чужой женой возвышается в сознании Грибоедова до колониальной программы России, которая начинается объявленными войнами и оборачивается сепаратизмом окраин. Образ Стеньки Разина, как бы вдруг взявшийся тут, конечно, совсем не случаен. Ведь наиболее красноречивым свидетельством жестокости российского колониализма становится случайно доставленное Грибоедову письмо от бывшего вахмистра Нижегородского полка, ставшего в Персии Самсон-ханом. Мало что доставляет Грибоедову больше дискомфорта, чем письмо человека, которого он за десять лет до этого назвал канальей и у которого обманом увел 75 казаков, обещая им вольную, а вместо этого заковав их в кандалы.

Показательно, что соглашение, достигнутое с Ираном стараниями Грибоедова, важнейшим пунктом имеет возвращение домой в Россию всех русских, что оказались на службе у иранского князя Аббаса-Мирзы. То есть, говоря коротко, расправу над ними. И казак Самсон-хан вежливо напоминает, что новые подданные Персии будут защищаться от бывшей родины, так как больше ей не подчиняются и только в страшном сне видят свое возвращение. По этой причине утонченный автор

¹⁰ Там же. С. 58.

«Горя от ума» называет Самсона Макинцева «Новым Стенькой». Потому что боится смертельно, до окаменения и дурноты, длинноволосых всадников в остроконечных шапках, в которых уже и не узнать бывших подданных православного царя. Страшно Грибоедову не только читать письмо с проклятиями от бывшего казака. Страшно вспоминать, как престарелый палач Кавказа генерал Ермолов холодно рассуждал о том, как можно перехватить в России власть, пойдя на столицу из взбунтовавшихся колоний. Страшно думать о будущем, где разъяренная толпа прервет его собственную жизнь в далеком Тегеране, куда его зашлют, засунув под сукно проект прекрасных преобразований «российской Ост-Индии».

Предотвращение будущего

Анна Айдинян предлагает в своей монографии весьма сложную перспективу, в которой проблема деколонизации бывших территорий Российской и граничащих с ней (и соответственно, конкурирующих) империй требует учета множества позиций и точек зрения. Роман Тынянова становится своеобразным «черным ящиком», преобразующим высказывания о прошлом в оптике раннесоветской постколониальной утопии и в то же время программирующим обреченность этого проекта на неудачу. Тынянов не имеет права занимать позицию всезнающего нарратора в отношении своего героя, так как через сто лет находится, в сущности, в той же точке собственной не востребованности и выпадения из времени.

Если мир с Ираном для Грибоедова как имперца — предмет расстройства и причина сплина, то для Тынянова мир самого Грибоедова — предмет иронии. Кстати, тем самым подход формалистов к XIX в. оказался намного более дистанцированным и, следовательно, адекватным, чем стремление спрятаться в него от современности в позднесоветской филологической культуре. Тынянов с бесконечной усталостью и четким пониманием будущего смотрит на политические маневры ранней николаевской России из эпохи заката НЭПа и нарастания советского террора. Сталинский колониализм еще не заявил о себе в полную силу, и формалист еще может позволить себе транслировать привычный интернационализм первого пореволюционного десятилетия. Он уже понимает, к чему все идет. Формалистские достижения ждет судьба грибоедовского проекта.

В рассмотренном комментарии к «Смерти Вазир-Мухтара», на данный момент самом полном и разноплановом, Грибоедов прямо сравнивается с свнучом Мирзой Якубом, сыгравшим роковую роль в его судьбе. Именно этот этнический армянин, оскопленный в юношеском возрасте, знавший несколько языков и отвечавший за казну при дворе Алаяр-хана, решил воспользоваться правом армян вернуться на родину согласно все тому же Туркменчайскому договору. Покровительство, которое русская миссия оказывала ему и подобным ему людям, и привело в итоге к эскалации напряжения в тегеранском обществе и последующей расправе.

Айдинян считает, что Грибоедов, как и Мирза Якуб, оказался в жерновах истории, что его судьба иллюстрирует превратности жестокого исторического периода, когда опыт жизни на границах культурных ойкумен нес в себе несравненно большие риски, чем пребывание в устоявшихся центрах империй. Но эти жертвы не напрасны, так как задают новые перспективы восприятия колониальных отношений. Остается добавить к этому, что в аналогичные жернова вскоре угодил и Тынянов. Ему было важно успеть реализовать проект биографической трилогии, поставившей научную проблему крушения интеллектуального поколения примерно раз в столетие русской истории. Интуиции его не подвели, а иллюзии вовсе не были ему присущи.